

Докиаг

в рамках круглого стола

"Что такое современная культурная политика?".

/Харьков, 28 марта 2011/

УДК 253.3 : 111.672

© Гумбрехт Х.У., 2011

Что мы потеряли и что нам сегодня необходимо в гуманитаристике

Ханс Ульрих Гумбрехт

В статье анализируется кризис современной гуманитаристики и его причины. В качестве проекта обновления гуманитарных дисциплин предложена программа реанимации "событийной культуры", ядром которой должен стать феномен присутствия. Автором предложен альтернативный подход к функциям и задачам гуманитариев, который позволяет учесть изменившийся хронотоп. Ключевые слова: присутствие, историцистский хронотоп, филология, событийная культура.

В начале этого года правительство Великобритании приняло решение о том, что финансирование нашей деятельности, будь то преподавание или написание книг, должно осуществляться исключительно из частных источников. Вероятно, этот факт не случаен, и возможно, в некотором роде, предвосхищает трудности, которые угрожают гуманитариям во всем мире. Государство, которое традиционно занимает первое место в осуществлении того, за

что мы боремся, больше не видит нужды тратить деньги налогоплательщиков на то, чем мы сейчас занимаемся. Так что же мы потеряли, если это привело к такому резкому падению нашего престижа? Этот вопрос я хочу задать и, по возможности, кратко ответить на него на нашем круглом столе.

В первую очередь мы потеряли, и совсем не по нашей вине, функцию, которая со времен Александрийской библиотеки, использовалась для обеспечения эмпирического основания нашего интеллектуального труда, основания, именуемого нами "Филологией". Филология была попечительством (*curatorship*) над текстами, она была движима попыткой противостоять порче и потере текстов во времени и, кроме того, работала против их рассеивания в пространстве. Другими словами, заботой филологии было сохранение и концентрация текстовых ресурсов. Сегодня эта задача решена при помощи электронных средств гораздо более качественнее и легче, чем мы когда-либо могли себе представить. Благодаря этим средствам будет гарантировано полное выживание всех уровней любой текстуальной традиции, а через гипертекстовую визуализацию, они позволят создать их одновременное присутствие на экране. Вскоре мечты (или кошмар) сбудется: все существующие текстовые документы, будут доступны на мониторе компьютера. Уже сегодня, элементарная проблема, с которой мы ранее сталкивались, почти совершенно переключилась от ситуации первичного дефицита информации (это всегда было условием филологии), к ее переизбытку: слишком много документов (в отношении которых наши возможности выбора и переработки в интеллектуальном плане терпят неудачу).

Во-вторых, то, что мы привыкли называть "теорией", часто с большим самодовольством, то есть возможность описания культурных явлений на высоком уровне абстракции и обобщения, похоже, потеряло значительную часть своей привлекательности и энтузиазма, с которым его раньше встречали. По-видимому, это действительно так, ведь мы находим

уже не такой интенсивный отклик на некоторые темы нашего обучения, по крайней мере, в Северной Америке, Западной и Центральной Европе. Может быть, сегодня мы живем в "эпоху суждения" (а не в "эпоху теории"), в эпоху концентрации на нашей реакции на явления и случаи, которые являются особыми и их, следовательно, вряд ли можно связать посредством абстрактных концептуальных рамок – и еще менее посредством методов и средств. "Иметь суждение" в этом смысле означает пребывать в захватывающем состоянии, но это также состояние, которому невозможно обучать систематически, состояние, которое не зависит от количества имеющихся знаний, – и поэтому состояние, избегающее пространства гуманитаристики, как кластера академических дисциплин.

В-третьих, я считаю, что, не далее как с 1970-х годов, мы больше не живем в "историцистском" хронотопе, то есть в "конструировании времени", которое возникло в ряде западных культур, между примерно 1780 и 1830, и потом настолько быстро получило широкое признание, что достаточно долго, мы считали, будто это и есть Время или История "сами по себе". Без историцистского хронотопа и его центральной предпосылки, согласно которой не один феномен не может противостоять изменению во времени, без историцистского хронотопа, в котором мы постоянно оставляли прошлое позади себя, а будущее было набором альтернатив, без историцистского хронотопа, сформировавшего гуманитаристику в момент ее появления в качестве академической институции, не мог бы появиться ни эволюционизм, ни какое-либо гегельянство, ни социализм, ни капитализм. Это объясняет, почему историцизм был так сильно укоренен в западных культурах. Напротив, будущее, которое мы видим в начале двадцать первого века – это будущее, наполненное всяческими угрозами, – в то время как множество миров из прошлого, вторгаются во все расширяющееся настоящее – так что, как следствие, мы переживаем застой, а не текущие или даже ускоряющиеся измене-

ния на разных уровнях и во множестве измерений. Исходя из этих новых временных обстоятельств, которые заключаются в этом сильно измененном хронотопе, уже не парадоксально и даже не исключительно (упомяну только одно соответствующее следствие из мира гуманитарных дисциплин), чтобы текст или работа считались "классическими", то есть такими, очарование которых не исчезает в течение многих лет и даже десятилетий. Показательно, что все тексты из прошлого (так сказать) "непосредственно" доступны сегодня для чтения и оценки, и новая проблема, как я уже говорил, найти критерии выбора в ситуации всеобщей доступности, а не в определении соотношения между текстами прошлого и современности (что являлось вызовом в рамках предшествующего хронотопа). Вообще говоря, мы не только еще не приспособили наши концепции и наше мышление к новому хронотопу, но я боюсь, что многие гуманитарии даже не осознают эти глубокие преобразования в их интеллектуальной среде.

И последнее (хотя я, конечно, мог бы до бесконечности продолжать, и перечислить гораздо больше, чем только четыре традиционных позиции, утраченных за последнее время гуманитаристикой как институцией): существующая на протяжении уже долгого времени исходная вера в общественную роль и функцию интеллектуалов исчезла во многих национальных контекстах (если не во всем мире) за последние несколько десятилетий - эта роль создавала определенную ауру и репутацию многим ученым и писателям в наших академических дисциплинах (подумайте только о таких видных представителях, как Клод Леви-Стросс, Мишель Фуко и Жак Деррида, Ноам Хомский и Ричард Рорти, Умберто Эко и Юрген Хабермас - и многих других). Но речь идет не об отдельных достижениях и индивидуальном мастерстве. Я говорю о ранее широко распространенном убеждении, восходящем к XVIII веку, о том, что толкование и аргументация, чтение и написание текстов являются практиками, способными помочь сформировать знания и

требования, необходимые для общественного просвещения и общественной ориентации.

Это ожидание, я боюсь, более не существует (или, по крайней мере, существует в очень ослабленном виде) – и, судя по всему, эти изменения вызвало простое отсутствие интереса к миру за пределами нашей узкой академической среды. По этой причине важно и даже симптоматично, что в настоящее время в Великобритании, мало кто за пределами университетов, кажется, осознает радикальность прекращения финансирования гуманитариев за счет государственных средств, о котором я упоминал в начале. Такое отсутствие поддержки гуманитариев у общественности, которое вероятно происходит из-за отсутствия взаимного участия в последнее время, вряд ли можно было бы себе представить в подобной ситуации еще только четверть века назад.

Таким образом, нельзя не прийти к выводу, что ситуация в гуманитаристике в настоящее время во всем мире, не только выглядит, но и действительно предстает очень унылой – слишком унылой для нас, чтобы просто попытаться восстановить то, что мы потеряли. Поэтому настало время спросить, серьезно и трезво, что, как мы чувствуем, мы можем делать наилучшим образом, что мы можем сделать именно сейчас, и может ли кто-нибудь, при данных обстоятельствах, за пределами гуманитаристики позаботиться о тех вещах, которые, как мы думаем, мы делаем лучше всех. Я позволю себе дать потенциально удивительный, возможно, даже дерзкий ответ. Сегодня нет ничего более раскритикованного и даже оклеветанного, среди интеллектуалов, чем так называемая "событийная культура". "Событийная культура" – эти слова относятся к миллионам людей, которые, выходящие за выходными, покупают дорогие билеты, чтобы посмотреть спортивные соревнования, сидя в неудобных сидениях в переполненных стадионах, они относятся к "живым" концертным выступлениям и к религиозным обрядам, совершаемым под открытым небом, на которые жаждут

попасть сотни тысяч людей, чтобы физически оказаться рядом с Папой (иногда в большей степени, чем чтобы помолиться вместе с ним); "событийная культура" относится к политическим дебатам, которые превратились в ток-шоу - и ко многим другим формам общения, на которые интеллектуалы привыкли смотреть свысока, потому что они, кажется, заряжены желанием физического присутствия в большей степени, чем духовной утонченностью.

Первое возражение, на эту всем известную критику "событийной культуры" будет подчеркнуть тот факт, что такое желание присутствие обусловлено его вопиющим недостатком в нашей повседневной жизни, то есть отсутствием физической близости и вдохновляющее эмоциональной напряженности, которую она может произвести в технической и культурной среде, где большая часть нашей работы и даже наш досуг проходит как взаимодействие между программным обеспечением и сознанием. Но кроме содержаний и функций таких взаимодействий в каждом индивидуальном случае (достоинства которого, могут по меньшей мере варьироваться), я придерживаюсь мнения, что возможность и правомерность "культуры события" действительно существует.

Прежде всего, однако, я хочу заметить, что мы - академические гуманитарии проявляем себя лучше всего тогда, когда мы сидим за столом, в малых группах, и обсуждаем философские тексты, стихи, художественные произведения, или симфонию, которые нас впечатлили, главным образом потому, что эти книги, произведения искусства и музыка стали важны для нас экзистенциально, но иногда и потому, что они вызвали сильные чувства неодобрения и даже отторжения.

Интересной и стоящей задачей для нас, было бы показать, как такие моменты (конх я лично испытал немало в течение двух коротких дней в Харькове), являются современной стадией интеллектуальной и духовной традиции созерцания, а не представляют собой эквивалент научных "исследования

ний", которым многие гуманитарии так отчаянно (и безуспешно) пытаются подражать. То, в чем мы лучше всех и то, что мы в состоянии предложить обществу, которое жаждет присутствия, может быть описано как специфическая конкретизация событийной культуры. Мы можем обратить внимание людей на тексты и художественные произведения (зачастую сложные и неоднозначные), которыми мы сами насладились, мы можем привлечь тех, кто желает сидеть с нами за столом делиться своими впечатлениями и обмениваться мнениями; наша сила, как гуманитариев, заключается не в "профессиональном образовании", а в развитии и формировании личности (т.е. в том, к чему отсылает немецкое слово "Bildung (воспитание)").

Пытаясь, вот уже более столетия, быть "критическим", "научными", или "политическими", гуманитарии отказались от многих традиций, взглядов и навыков, которые потенциально позволяют нам быть уникальными, и возможно даже необходимыми. Таким образом, я считаю, нам пора заново открыть и развить созерцание как форму жизни, то есть способность сосредоточиться на явлении, открыться его влиянию и быть достаточно терпеливыми, чтобы выяснить, чем это влияние может оказаться. "Событийная культура", в значении отличном от общеупотребительного, может означать готовность к тому, чтобы с нами случались удивительные вещи, чтобы нас посещали внезапные интуиции и прозрения. В немецком языке это называется "Gelassenheit (невозмутимость)" – готовность к тому, чтобы нечто свершилось – которая включает готовность позволить себе быть обусловленным тем, что не может быть спрогнозировано. И если, в процессе возвращения созерцания и "Gelassenheit", мы иногда придаемся развлечению, то в этом нет ничего плохого.